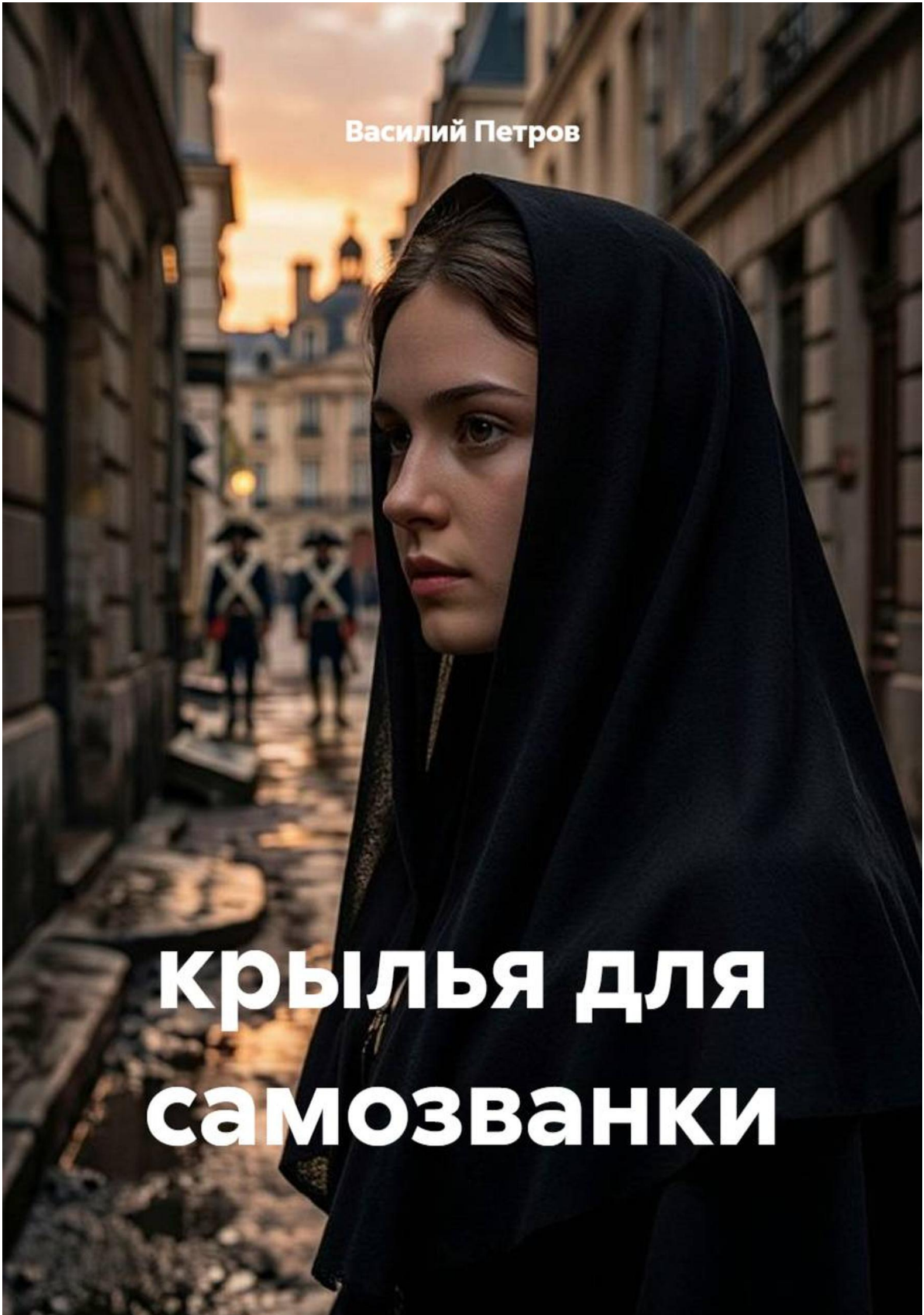

Василий Петров

крылья для самозванки

Василий Петров

крылья для самозванки

«Автор»
2026

Петров В.

крылья для самозванки / В. Петров — «Автор», 2026

«Крылья для самозванки»Франция, 1625 год. Для высшего света она — безродная девчонка, дочь обнищавшего шевалье. Для парижских трущоб — слишком гордая дворянка. Но для капитана мушкетеров Этьена де Морле Мари-Селеста де Валуа — самое опасное стихийное бедствие в его безупречной карьере. Когда враги сжигают ее дом, Селеста заключает сделку: она станет ушами и шпагой капитана в кулуарах Версаля, чтобы найти предателя, разорившего ее отца. Но вместо пыльных бумаг она находит в лице сурового Этьена свою погибель. Чтобы выжить там, где шелк дороже крови, ей придется научиться лгать в лицо королю, воровать печати в исповедальнях и падать в фонтаны с изяществом тонущего кирпича. Интриги кардинала, испанские шпионы и ядовитые улыбки герцогинь — лишь фон для главной битвы. Сможет ли уличная кошка превратиться в львицу, достойную капитана, или ее крылья сгорят в огне большой политики? Роман о любви, которая пахнет порохом, и о чести, которую не купишь за золото.

© Петров В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт I. «Париж — город грехов и шелка» 5
Глава 1. «Запах корицы и долг капитана» 5
Глава 2. «Золотое проклятие Батиста» 8
Глава 3. «Исповедальня для грешников» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Василий Петров
крылья для самозванки

Акт I. «Париж — город грехов и шелка»

Глава 1. «Запах корицы и долг капитана»

Париж пахнет не духами. По крайней мере, не в квартале Марэ, где мостовая чавкает под ногами, а утренний туман смешивается с вонью выгребных ям и сладковатым дымом дешевых угольев. Мари-Селеста де Валуа знала этот запах лучше, чем аромат розового масла, который она безуспешно пыталась продать толстой вдове с третьего этажа.

Вдова ушла, громко сетуя на непомерную цену за «этот жалкий мешок сена», хлопнув дверью так, что с полки посыпались склянки. Селеста даже не шелохнулась, чтобы их поймать. Она смотрела на письмо, лежащее на прилавке рядом с медными весами. Плотная бумага, сургучная печать ростовщика Дюпона. Чернила были жирными, словно их макали в ворвань.

— Если мы не заплатим ему до воскресенья, он выставит нас на улицу, — голос матери, Анриетты, прозвучал не как упрек, а как констатация факта. Сухая и горькая, как полынь. — Твоя гордость, Селеста, отличный строительный материал. Жаль, им нельзя заткнуть дыру в крыше.

— Дюпон может засунуть свою расписку туда, куда не заглядывает солнце, — Селеста смахнула с прилавка лавандовую пыль. — У него нет права. Это дворянское поместье.

— Твой отец был дворянином, — Анриетта тяжело опустилась на колченогий табурет. — А ты — дочь торговки, которая скоро будет торговать собой на Новом мосту, если мы не найдем пятьдесят ливров. Гаспар! Гаспар, негодяй, где ты?

Скрипнула задняя дверь. В лавку, пятясь и пытаясь застегнуть на ходу штаны, ввалился ее четырнадцатилетний брат. За его воротник цепко держался человек в синем плаще городской стражи. Лицо у стражника было цвета старой подошвы, а глаза — как два льдышки.

— Попался, воришка, — прохрипел стражник, швыряя Гаспара на пол. Мальчишка тут же попытался юркнуть под прилавок, но получил тяжелым сапогом по бедру. — Срезал кошелек у капитана мушкетеров. У самого капитана! Его сиятельство граф де Морле будет в ярости.

Анриетта тихо охнула и начала медленно оседать, хватаясь за сердце. Селеста сделала шаг вперед. Она не посмотрела на брата. Она вообще не взглянула на стражника. Ее взгляд, холодный и оценивающий, прошелся по синему плащу, задержался на потертом локте, скользнул по рукояти дубинки и, наконец, остановился на лице офицера.

— Капитан де Морле? — ее голос был обманчиво спокоен. — Тот самый граф, который на прошлой неделе пытался расплатиться в «Пьяном кальмаре» бумагой с печатью интенданта,

потому что проиграл в кости все наличные? Бумагой, которая оказалась распиской за поставку гнилого сена?

Стражник моргнул. Лед в его глазах дал трещину.

— Откуда ты...

— Я торгую пряностями, а не воздухом, — Селеста обошла прилавок. Она двигалась плавно, но в этой плавности чувствовалась готовность змеи. — Гаспар, встань. Иди к матери.

Мальчишка, не веря своему счастью, метнулся к Анриетте. Селеста встала между ними и стражником, скрестив руки на груди. Ткань ее лифа натянулась, подчеркивая отсутствие корсета — роскошь, которую они не могли себе позволить.

— Пятьдесят ливров, — напомнил стражник, но уверенности в его голосе поубавилось. — Или две недели на галере. Таков указ кардинала.

Селеста усмехнулась. Уголки ее губ дернулись вверх, но глаза остались серьезными.

— Галера — это слишком долго. У нас лавка сгорит без присмотра. А пятьдесят ливров... — она кивнула на его камзол. — У вас пуговица на животе держится на честном слове и соплях. Если вы дернетесь или чихнете, она улетит в котелок к соседке. Это недостойно человека, служащего самому могущественному министру Франции.

— И что с того? — он непроизвольно опустил взгляд на свой живот и тут же вскинул его, пытаясь вернуть суровость.

— А то, что ваша жена, если она у вас есть, или ваша... экономка, плачет по ночам, глядя на вашу шею. Этот воротник натирал бы шею даже дохлой рыбе. Выглядите вы, капитан, как наемник с большой дороги, а не как офицер гвардии.

Она подошла к нему вплотную. От нее пахло корицей, старым деревом и дешевым мылом. Стражник инстинктивно отступил на полшага.

— Я предлагаю сделку, — прошептала Селеста. — Вы отпускаете моего брата. Прямо сейчас. А я... я приведу в порядок вашу форму. И форму ваших лейтенантов. У господина Филиппа на левом плече пятно от арбуза, а оно совершенно не гармонирует с цветом его глаз.

Стражник открыл рот, чтобы рявкнуть, но слова застряли в глотке. Он посмотрел на скорчившегося Гаспара, на бледную Анриетту, а затем на свои манжеты, где под обшлагом предательски торчала нитка.

— Ты... ты смеешь мне указывать? — просипел он.

— Я предлагаю услугу, — Селеста пожала плечами. — Взамен на свободу брата. Идет? Или мне крикнуть «Держи вора!» и посмотреть, как вы объясняете капитану мушкетеров, почему у вас из кармана торчит его же собственный кошелек, который вы только что «нашли» у моего брата?

Она блефовала. В кошельке, который срезал Гаспар, было от силы три ливра медью. Но в глазах стражника — человека, привыкшего к грязи и страху, — эта хрупкая девушка с растрепанными волосами вдруг показалась опаснее вооруженного отряда. Она знала его грязные секреты. Она знала, как устроен его мир.

Он медленно разжал пальцы на воротнике Гаспара. Мальчишка кубарем откатился к ногам матери.

— У тебя два дня, — бросил стражник, поправляя плащ. — Если форма не будет блестеть, я вернусь. И тогда твой брат пойдет считать весла.

Дверь за ним захлопнулась с таким грохотом, что с полки упала последняя уцелевшая склянка. Она разбилась с жалобным звоном.

Анриетта закрыла лицо руками. Гаспар тихо скулил, потирая ушибленное бедро.

Селеста стояла посреди разгромленной лавки. Она не чувствовала ни облегчения, ни страха. Только глухое, тяжелое раздражение. Она только что продала свои руки — единственные руки в семье, которые умели держать иглу ровно — за свободу брата. И капитан даже не сказал спасибо.

Она подошла к двери и задвинула тяжелый дубовый засов. Затем повернулась к брату.

— Снимай куртку, воришка. И неси нитки. У нас много работы. И молись, чтобы у капитана де Морле не было блох, потому что я не буду их вычесывать даже за освобождение от Бастилии.

Гаспар, всхлипывая, начал стягивать рваный камзол. Анриетта смотрела на дочь так, словно видела ее впервые.

— Ты сумасшедшая, — прошептала мать. — Он мог проткнуть тебя шпагой.

— Он бы ее сначала достал, — огрызнулась Селеста, разминая затекшие пальцы. — Она у него, скорее всего, заржавела.

Она взяла с полки мешочек с крахмалом. День обещал быть долгим. Но когда она сунула руку в карман передника, чтобы достать игольницу, ее пальцы наткнулись на что-то тяжелое и холодное. Металл.

Селеста вытащила руку. На ее ладони, тускло поблескивая в полумраке лавки, лежал золотой луидор. А рядом с ним — пять тяжелых серебряных ливров.

На золотой монете, на самом профиле короля, было глубоко, почти яростно нацарапано чем-то острым: *«За дерзость. И за пуговицы»*.

Селеста сжала монету в кулаке. Уголок ее рта дрогнул в подобии улыбки. Что ж, капитан. Посмотрим, как вам понравится камзол, на котором каждая пуговица пришита намертво.

Глава 2. «Золотое проклятие Батиста»

Золотой луидор жег карман, но не грел душу. На него можно было купить еды на неделю или оплатить часть долга Дюпону, но он не решал главной проблемы: Селеста была дочерью шевалье, а капитан де Морле — цепным псом кардинала. Люди его ранга не забывают долгов, особенно если долг выражен в дерзости.

— Ты должна исчезнуть из квартала, — заявила Анриетта утром, размешивая жидкую ячменную кашу. — Морле — человек злопамятный. Если он узнает, что ты живешь здесь, он сдерет с тебя кожу вместе с платьем.

— У меня нет платья, — огрызнулась Селеста, натягивая штопаные чулки. — У меня есть только долг перед капитаном. Я обещала ему форму. Значит, я ее получу.

— Как? Украдешь у гвардейцев с веревки? — мать перекрестилась.

— Нет. Я пойду туда, где это платье выдают бесплатно. К герцогине де Шеврез.

Селеста не была знакома с герцогиней. Но она знала, что главная интриганка Франции обожает экзотику и странности. А Селеста, с ее острыми локтями и языком, была самой странной вещью в Марэ.

Проблема была в пропуске. И в отсутствии шелка.

Крестный Батист, чья лавка чудом уцелела (она находилась в глухом тупике, куда стража побрезговала зайти), выслушал ее план, почесывая обожженную алхимией бровь.

— Герцогиня? — просипел он, вытирая руки о засаленный фартук. — Дитя мое, тебя не пустят даже на порог. От тебя пахнет улицей. Двор пахнет мускусом и ложью. Это разные запахи.

— Сделай так, чтобы я пахла ложью, — Селеста положила на стол серебряный ливр. — Мне нужно выглядеть как благородная дама, которая просто... очень давно не спала.

Батист хмыкнул. Он скрылся в клубах вонючего дыма, где булькали разноцветные жидкости. Через час он вынес склянку с густой белой мазью.

— Жемчужная пыль, толченый перламутр и слезы невинности, — торжественно провозгласил алхимик. — Нанеси на лицо. Будешь сиять, как луна. Аристократы любят бледность.

— Надеюсь, слезы были не твои, — Селеста взяла склянку.

Эффект проявился, когда она подошла к зеркалу. Вместо аристократической бледности ее кожа приобрела цвет старого полированного золота. Мазь, в которую Батист по ошибке всыпал толченый пирит вместо перламутра, не просто скрывала усталость — она превращала Селесту в ходячую монету.

— Я похожа на идола с языческого капища, — простонала она.

— Ты похожа на богатство, — невозмутимо ответил Батист. — Иди. И если тебя арестуют за мошенничество, передай палачу, что я готовлю отличную настойку для облегчения мук.

Прием у герцогини де Шеврез был в самом разгаре. Пахло пудрой, потом и интригами. Селеста, одетая в скромное серое платье, одолженное у жены Батиста (оно трещало на ней по швам), вошла в салон. Стоило ей сделать шаг к свету канделябров, как по залу прошелся шепот. Золотая кожа в полумраке свечей выглядела пугающе и завораживающе.

Ее приняли за новую фаворитку испанского посла. Или за экзотическую куртизанку. Селесту это вполне устраивало.

Она не пошла в бальную залу. Она пошла туда, где пахло пылью и чернилами — в кабинет.

Люсьен, секретарь кардинала, был там. Он стоял у бюро, перебирая бумаги. Селеста знала его в лицо — именно этот холеный мужчина с мягкими руками приезжал к отцу забирать векселя.

Она кашлянула. Люсьен обернулся. Его глаза расширились при виде золотого лица.

— Господи, помилуй, — выдохнул он. — Что с вами, дитя?

— Аллергия на справедливость, — буркнула Селеста, подходя к бюро. — Я ищу герцогиню. Кажется, я заблудилась.

Пока он моргал, ослепленный ее сиянием, Селеста ловким движением — навык, отточенный годами жизни на рынке — смахнула со стола стопку писем прямо в свою корзину для рукоделия, прикрытую шалью.

— Какая неловкость, — она присела в реверансе, который больше походил на приседание перед прыжком. — Я пойду.

Но в дверях она столкнулась с Этьеном.

Капитан де Морле был одет в безупречный черный бархат. Он выглядел так, словно его вырезали из ночи. Он окинул взглядом золотой лик Селесты, затем перевел глаза на корзину в ее руках. Его губы сжались в тонкую линию, но в глазах мелькнуло что-то похожее на веселое безумие.

— Мадемуазель де Валуа, — его голос был бархатным и опасным. — Я вижу, вы сменили сферу деятельности. Теперь вы золотая статуя? Должен предупредить, в Версале за это казнят. Статуи портят вид из окон.

— Я ищу герцогиню, — Селеста сделала шаг назад. — Она обещала научить меня танцевать менуэт.

— Судя по вашему лицу, она начала с алхимии, — Этьен взял ее под локоть. Его пальцы были железными. — Идемте. Я провожу вас. Кажется, вы забрели в ту часть дома, где живут люди, которые не любят золото. Они предпочитают серебро. Серебро, которым платят за предательство.

Он вывел ее из кабинета в коридор, плотно прикрыв дверь.

— Что вы здесь делали? — спросил он уже без тени светской любезности.

— Отрабатывала долг, — огрызнулась Селеста. — Вы же сами сказали: узнайте, кто берет векселя.

— Вы решили украсть всю почту Франции?

— Только ту, что плохо лежит. Кстати, у вас на манжете снова пятно. Если вы собираетесь арестовывать предателей, капитан, хотя бы не капайте на них соусом. Это снижает авторитет власти.

Она попыталась вырвать руку, но он держал крепко. Внезапно он дернул ее на себя. Селеста, не ожидавшая такой наглости, потеряла равновесие и всем весом — а весила она, благодаря корсету, который втиснула в нее жена Батиста, немало — рухнула прямо на капитана.

Они покатились по полу. Раздался оглушительный всплеск.

Селеста открыла глаза, отплевываясь от воды. Она была в фонтане. В центральном фонтане дворцового сада. Золотая мазь, смешавшись с тиной и холодной водой, теперь стекала по ее лицу зелеными разводами. Платье облепило тело, став прозрачным в свете луны.

Над бортиком фонтана возвышалась фигура Этьена. Он не смеялся. Он смотрел на нее сверху вниз, и вода с его промокшего камзола капала прямо ей на голову.

— Мадемуазель, — произнес он медленно. — Вы только что осквернили фонтан кардинала, испортили платье, которое стоит больше, чем ваш годовой доход, и едва не утопили меня.

— Вы сами меня толкнули! — возмутилась Селеста, пытаясь натянуть мокрую юбку на колени.

— Я пытался вас задержать. Вы сопротивлялись.

— Я пыталась сохранить остатки достоинства!

— Вы их променяли на тину, — он протянул ей руку. — Вставайте. Вы простудитесь и умрете. А у меня нет времени писать рапорт о смерти золотой статуи в государственном фонтане. Это слишком утомительно для бумажной работы.

Она вложила свою ледяную руку в его. Он вытащил ее из воды одним рывком. Они стояли в лунном свете, мокрые, грязные, ненавидящие друг друга и весь этот проклятый Париж.

Этьен снял свой камзол — тяжелый, мокрый, пахнущий дорогим сукном и мужчиной — и набросил ей на плечи. Ткань была ледяной, но под ней чувствовался жар его тела.

— Завтра в девять утра, — сказал он, глядя куда-то поверх ее головы. — Казармы мушкетеров. Вы будете чистить мою шпагу. И стирать мое белье. До тех пор, пока не выплатите долг за этот... инцидент.

— Я не прачка!

— Вы — стихийное бедствие, — он развернулся и пошел к дворцу. — И завтра вы начнете работать. Форма гвардейцев сама себя не подошьет. И да... смойте это золото. Вы выглядите как ошибка ювелира.

Он ушел, оставив ее стоять у фонтана в одном мокром корсете и его камзоле. Селеста плотнее запахнула сукно. Оно пахло порохом, кожей и чем-то неуловимо честным.

Она посмотрела на свои руки. С них капала вода, но под ногтями все еще была видна позолота.

— Ненавижу шелк, — пробормотала она. — И капитанов.

Но когда она шла через ночной Марэ, закутавшись в камзол Этьена, который был ей велик и волочился по грязи, она впервые за много лет чувствовала себя не торговкой, выживающей из последних сил. Она чувствовала себя пешкой, которая только что сделала ход конем и перевернула всю доску.

Глава 3. «Исповедальня для грешников»

Казармы мушкетеров пахли кожей, железом и кислым вином. Селеста, явившаяся ровно в девять утра, чувствовала себя здесь инородным телом. На ней было то же серое платье, что и вчера, но теперь оно было чистым — она выстирала его в холодной воде еще до рассвета, содрав в кровь костяшки пальцев.

Этьен ждал ее в оружейной. Он был одет, свеж и безупречно выбрит. На его камзоле не было ни единой пылинки, а пуговицы сияли так, что резало глаза. Он молча указал на стол, где лежали три грязных, измятых мундира и одна шпага, покрытая пятнами ржавчины.

— Это — ваш долг, — бросил он, не глядя на нее. — К закату все должно быть в порядке. Если я найду хоть одну лишнюю складку на камзоле Филиппа, вы будете чистить конюшню. Зубной щеткой.

— У вас есть зубная щетка? — не удержалась Селеста. — Я думала, вы чистите зубы только кинжалом.

Этьен медленно повернул голову. Его взгляд был тяжелее шпаги, которую он протирал промасленной тряпицей.

— Вы нарываетесь, мадемуазель.

— Я выживаю, капитан. Это разные вещи.

Работа оказалась адской. Селеста никогда не имела дела с армейским сукном. Игла скользила, пальцы ныли, а лейтенант Филипп, проходя мимо, намеренно задел ее плечом, рассыпав корзину с пуговицами.

— Осторожнее, сударь, — процедила Селеста, не поднимая глаз. — Если вы рассыплете меня еще раз, я насыплю вам в сапоги толченого стекла. Алхимия крестного творит чудеса.

К закату форма была в порядке. Шпага Этьена сияла, как зеркало. Селеста сидела на полу, окруженная обрезками ниток, и пыталась унять дрожь в руках.

Этьен осмотрел свою шпагу. Провел пальцем по лезвию. Кивнул.

— Годится.

Он бросил на стол перед ней кошелек. Тот самый, с луидором.

— Здесь плата за работу. И еще десять ливров. Купите себе приличное платье. То, что на вас, оскорбляет мой взор.

— Я не просила о благотворительности, — Селеста даже не притронулась к деньгам.

— Это не благотворительность. Это инвестиция. Вы должны выглядеть как компаньонка герцогини, а не как ее поломойка. Завтра вы идете в церковь.

Селеста подняла на него глаза.

— Я не настолько согрешила, капитан.

— В исповедальне церкви Сен-Жермен-Ле-Прэ стоит печатный станок, — его голос стал тихим, жестким, лишенным всяких эмоций. — Людей, которые его там поставили, интересуют не грехи паствы, а маршруты казны кардинала. Мне нужен этот станок. И имя того, кто платит этим фальшивомонетчикам. Вы пойдете на исповедь. И будете слушать. Не грешите слишком громко, чтобы не пропустить главное.

Церковь Сен-Жермен в полночь напоминала склеп. Пахло ладаном, мышами и типографской краской. Селеста, закутанная в темный плащ, который одолжил ей Батист (плащ все еще слабо дымился от последнего эксперимента), скользнула в исповедальню. Дерево было холодным и шершавым.

Она просидела в духоте два часа. Ноги затекли. Через тонкую решетку она слышала лишь бормотание редких кающихся да скрип половиц. Станок молчал.

Уже собираясь уходить, она услышала шаги. Тяжелые, уверенные. Не священника.

Голос за соседней перегородкой — знакомый, бархатный голос Люсьена.

— ...груз прибудет в Марсель через три дня, — говорил он тихо, но слова отчетливо доносились до Селесты сквозь тонкую стенку. — Используйте канал через Лион. И передайте дону Мигелю, что капитан де Морле слишком много вынюхивает в Марэ. Напомните ему о его уязвимости. О сестре.

Сердце Селесты пропустило удар. У Этьена есть сестра? О ней никто не говорил.

Дверь исповедальни скрипнула. Селеста замерла, вжавшись в угол. В щель между занавесками она увидела начищенный сапог Люсьена. Он стоял прямо перед ее кабинкой.

— Святой отец? — позвал Люсьен. — Вы спите?

Селеста затаила дыхание. Она превратилась в статую.

Люсьен постоял еще мгновение, затем шаги удалились. Хлопнула тяжелая дверь церкви.

Селеста вывалилась из кабинки, жадно глотая воздух. Ноги подкосились. Она схватилась за край исповедальни, чтобы не упасть. Дерево под ее рукой было липким. Она поднесла ладонь к глазам. Типографская краска. Свежая, черная, еще не высохшая.

Она обошла алтарь. В ризнице было пусто. Но дверь в подвал была приоткрыта. Оттуда тянуло скипидаром и тем же специфическим запахом краски.

Селеста начала спускаться по винтовой лестнице. Внизу горел свет.

Она увидела его. Станок. Массивный, медный, пахнущий маслом. И рядом — ящики. На одном из них стояла печать. Личная печать Люсьена, которую она видела на тех злосчастных векселях отца.

— Какого черта...

Голос за спиной не принадлежал ни ангелу, ни священнику.

Селеста обернулась. В дверях подвала стоял Этьен. Он не стал подниматься сюда через церковь. Он знал. Он ждал ее снаружи.

— Вы сказали — слушать, капитан, — выдохнула она, пытаясь унять бешеный стук в груди. — Я слушала. Он говорил о вас. О вашей сестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.